

Слово редактора

ЛИБЕРАЛИЗМ КАК ПРЕДПОСЫЛКА БИОПОЛИТИКИ: КОНЦЕПТ М. ФУКО И РОССИЙСКО-СОВЕТСКАЯ ПРАКТИКА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТЧУЖДЕНИЯ

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: Мишель Фуко поставил проблему анализа государственного интереса (далее ГИ) и поиска способов его ограничения. Для решения проблемы он сформулировал исходные посылки: правоверие (в религии) и верноподданность (в политике) не являются нормами религиозного и государственного бытия; государство не есть трансисторичный феномен, а его интересы не являются надындивидуальными; поэтому революции (а не стабильность) есть норма государственного бытия. В целях обоснования указанных посылок Фуко разработал когнитивные средства: отрицание универсалий и формулировка проблемы возможной истории; номиналистическое определение ГИ; критика наличных экономических, военно-дипломатических и полицейских форм воплощения ГИ; фиксация контраста между внешней и внутренней политикой государств; квалификация права, политической экономики и истины как способов ограничения ГИ и необходимых предпосылок биополитики.

К ним относится также либерализм. В курсе лекций «Рождение биополитики» Фуко рассматривает либерализм как основу нового искусства государственного управления. В составе данного искусства он обнаружил и проанализировал специфическую проблемно-концептуальную структуру: отношение между умеренным правлением и рынком; переход от юрисдикции к веридикции; режим истины; различие между правительственными и государственными интересами; отношение между правом и истиной; политическая критика знания; полицейское государство; способы ограничения государственной власти; концепции закона; современный государственный разум.

Цель статьи – прореферировать выводы Фуко об основных элементах данной структуры и поставить проблему их применения к объяснению предпосылок российско-советской биополитики в контексте теории политического отчуждения.

Ключевые слова: государственный интерес, Мишель Фуко, предпосылки биополитики.

Новое искусство управления

Согласно Фуко, на протяжении последних двухсот лет главной проблемой либерализма было сведение государственного управления к минимуму. Для этого развивалась практика противодействия правительству внутри системы государственного управления. Суть нового искусства управления – создание ограничений ГИ, а не рост силы, богатства, власти и территории государства. Однако это искусство не смогло полностью отменить ГИ. Перспективы такой отмены образуют главный предмет вдохновения и концептуализации Фуко.

Он показывает, что умеренное правление формировалось на основе определенного режима истины, в котором главным механизмом формирования был рынок, «чтобы суметь сформулировать свою истину и предложить ее правительственной практике в качестве правила и нормы» [Фуко 2010: 48]. В середине XVIII в. рынок стал местом юрисдикции – системы регламентации, справедливой цены и санкций против мошенничества. Если цены соответствуют естественным механизмам рынка, то они конституируют эталон истины. Поэтому естественные механизмы рынка позволяют различать, фальсифицировать и верифицировать правильные и ошибочные действия правительства. Для обозначения данного процесса Фуко ввел термин *веридикция*, который означает артикуляцию и предписывающий (обязательный для всех) характер истины.

«В этой истории юрисдикционального, а затем веридикционального рынка, – констатирует Фуко, – существуют бесчисленные пересечения между юрисдикцией и веридикцией, несомненно, являющиеся одним из основополагающих явлений в истории современного Запада» [Фуко 2010: 52]. При анализе данных пересечений Фуко высказывает идею генеалогии веридикциональных режимов, предмет которой – изучение связей истории истины с историей права. Такая история анализирует становление права истины на основе отношений между правом и истиной и выражается в дискурсе, в котором формулируются право, истина и ложь; «на самом деле режим истины – это не какой-то закон истины, а совокупность правил, которые позволяют дискурсу зафиксировать истинность или ложность высказываний» [Там же: 54].

По убеждению Фуко, история режимов веридикции противостоит историям истины, ошибок и идеологий. Она предполагает отказ от критики европейской рациональности, которая развивалась от Романтизма до Франкфуртской школы. Фуко разрабатывает такую политическую критику знания, которая состоит в определении условий и результатов осуществления веридикции как типа формулировки, релевантного определенным правилам верификации и фальсификации. Для приобретения политического смысла исследование не нужно сводить к генезису истины или перечню ошибок, а надо определить существующий в данный момент режим веридикции, позволивший высказать и утвердить как истинные вещи, которые таковыми не были. В этой точке историческое исследование может стать политическим. Не история истины и заблуждений, но лишь история веридикции имеет политическое значение. Именно это имеется в виду при обсуждении проблем рынка и режима правительственной (полицейско-административной) истины.

ГИ отождествляют истину с полицейским государством – правлением, в котором государственная администрация полностью руководит обществом. Фуко отвергает такое отождествление и разрабатывает концепцию, которая позволяет установить и отвергнуть любые попытки в этом направлении. Новые правительственные интересы предполагали абсолютно иное. Внешнее ограничение ГИ одного государства интересами других государств всегда дополнялось внутренним юридическим ограничением в каждом из них. Фуко обращает внимание на то, что факультеты права во Франции до недавнего времени оставались также факультетами политической экономии (далее ПЭ). Это – одно из следствий факта: нельзя было

даже о подумать о ПЭ, не поставив одновременно проблему: как ограничить государственную власть? [Там же: 57]¹. В любом случае он имеет в виду фундаментальную проблему установления юридического предела государственной власти.

Для ее решения в конце XVIII сформировались революционный (*ретроактивный*, в терминологии Фуко) и радикальный пути. Первый из них состоял в постановке проблемы государственного права по образцу юристов XVII–XVIII вв., которые противопоставляли право ГИ. По мнению Фуко, существует преемственность между теоретиками естественного права (которые выявляли его противоречия, нелепости и бесполезность) и революционерами. При таком подходе предел компетенции правительства определяется границами его полезности².

На радикальном пути закон мыслится как результат сделки между государственной властью и независимыми от нее индивидами. Это приводит к различию между концепцией юридической свободы и трактовкой свободы как независимости индивидов от власти. «Перед нами две совершенно разные концепции свободы: одна мыслится исходя из прав человека, другая воспринимается исходя из независимости управляемых» [Там же: 62]. В истории концепции прав человека и независимости индивидов от власти были разорваны. Настоящая проблема прав человека состоит в том, чтобы увидеть различие между их юридической трактовкой и требованием независимости управляемых от власти.

Фуко полагает, что первый путь артикулирован в традиционных позициях публичного права, второй – в новой экономике правительственных интересов. Эти пути предполагают две концепции закона. На революционном пути закон мыслится как выражение коллективной воли. Она проявляется в разделении прав на те, которыми индивиды согласны поступиться, и те, которые они хотят сохранить. Указанная амбивалентность характерна для всего европейского либерализма XIX–XX вв. По мнению Фуко, речь идет не о двух несовместимых системах, а о диалектической и стратегической логиках – процедурах, типах связи и способах действия. Диалектическая логика сводит противоречащие термины к однородному элементу, обещающему их разрешение в единстве. Вторая соединяет разнородное, устанавливает возможные связи между разными терминами и сочетает аксиоматику прав человека с утилитарным расчетом независимости управляемых от власти.

Фуко полагает, что между системами революционной аксиоматики и утилитарной траектории существует неразрывная связь, которая иллюстрируется историей прав собственности. Но из двух систем первая регрессивна, вторая устойчива и сильна. Радикальный путь состоит в установлении юридических пределов государственной власти в терминах полезности руководства. Право имеет смысл тогда и только тогда, когда оно ограничивает власть. Именно эта линия характеризует историю европейского либерализма и всей государственной власти на Западе. Проблема индивидуальной и коллективной полезности всех и каждого стала основным критерием выработки границ государственной власти и формирования государственного и административного права.

На основе проведенных различий Фуко резюмирует свое понимание отношения между рынком и властью. Рынок – это первая точка прикрепления новых правительственных интересов как механизма обменов и место их веридикции. Вторая точка – это выработка меры

¹ Для доказательства Фуко ссылается на факты (первые экономисты Беккариа, Адам Смит, Бентам) были одновременно юристами, и процессы (связь ПЭ с ограничением государственной власти зафиксирована в типичных для XIX–XX вв. проблемах экономического законодательства, разделения правительства и администрации, становления административного права, необходимости или ненужности особых административных судов).

² Перед правительством любой страны в любой момент его деятельности, по поводу каждой из его старых и новых институций, стоит вопрос: полезно ли это, для чего полезно, в каких пределах полезно, когда это становится бесполезным, а когда вредным? Этот вопрос не является революционным вопросом: каковы мои изначальные права и как я могу отстоять их перед любым сувереном?

вмешательства власти в социальную жизнь в соответствии с принципом полезности. В идеале обмен богатств на рынке переплетается с пользой государственной власти. Интерес как принцип обмена и критерий полезности стал всеобщей категорией, противостоящей реальным ГИ.

Согласно Фуко, современный государственный разум (правительственное мышление) появляется в начале XVIII в. как поиск принципа собственного самоограничения. Он функционирует как интерес, но не как ГИ, который сосредоточен на себе самом и заботится только о росте, богатстве, населении и могуществе государства. Теперь правительственные интересы образуют сложную игру индивидуальных и коллективных интересов, общественной полезности и экономической выгоды, равновесия рынка и режима государственной власти, основополагающих прав человека и независимости управляемых от правительства. Новый правительственный разум манипулирует этими интересами.

В заключение Фуко говорит: интересы – это то, что правительство извлекает из индивидов, действий, речей, богатств, ресурсов, собственности, прав. Для этого надо целиком отвергнуть непосредственную власть суверена, министров и правительства над вещами и людьми.

Новые правительственные интересы – это точка разрыва между старым и новым, ГИ и принципом ослабления государства. Отныне правительство не вмешивается и не властвует над вещами и людьми. Теперь мера вмешательства правительства обосновывается игрой интересов индивидов и групп, сталкивающихся с общими интересами, вещей, благ, богатств, процессов. Эти интересы не имеют дела с индивидами, вещами, богатствами, землями, которые Фуко предлагает называть «вещами-в-себе руководства». Эпоха таких «вещей-в-себе» безнадежно прошла.

Отсюда вытекает основной вопрос либерализма как предпосылки биополитики: какова потребительная стоимость правительства и всех его действий в обществе, где обмен определяет стоимость всего? Иначе говоря, проблема смещается к установлению такого политического режима, при котором правительство приносит максимальную пользу обществу с одновременным понижением расходов на свое содержание до нуля. На основе этого эталона можно сравнивать полезность любых правительств и политических режимов.

Как применить указанные положения Фуко к описанию предпосылок советской биополитики?

Угол зрения

Для ответа требуется осмысление концепции Фуко в контексте советской истории в целом, в том числе российско-советских рынка, политической экономии и политики. Фуко вдохновлялся перспективой отмены традиционных ГИ с помощью права, рынка, политической экономии, истины и либерализма. Однако в России на протяжении всей ее истории и до настоящего времени власть господствовала над рынком, правом, законом, собственностью. Она же навязывала населению, в том числе ученым, комплекс собственных «истин» относительно данных сфер. Этот тренд усилился на протяжении XX в. [Шейнис 2014]. Поэтому реформы в России на рубеже XX–XXI вв. осуществлялись не на основе создания режима свободного рыночного пространства товаров и идей для реализации всех инициатив всех индивидов, но посредством силового предпринимательства [Волков 2002]. По этой причине в стране произошла реанимация самодержавия [Политический строй России... 2019] в виде патрональной автократии [Мадьяр, Мадлович 2022: 610–613]. Эти процессы наложились на имперские амбиции России, которые означают волю к достижению баланса между территорией страны и ее ролью в качестве глобальной сверхдержавы. В 2000-е годы Россия начала

культивировать военно-политический империализм, особенно для соседних постсоветских стран. По отношению к ним Россия применяет стратегии продвижения автократии, военного вмешательства и «газпромовской дипломатии» [Там же: 667–670].

Надо учитывать также, что публичного обсуждения пропорций государственных расходов на различные сферы жизни (включая деятельность правительства) в России практически никогда не было. Не говоря уже о конкуренции различных концепций, направленных на минимизацию расходов на правительство. Право, рынок, политическая экономия, истина и либерализм в том виде, как они описаны Фуко, в России никогда не существовали. Но отсюда не вытекает бесполезность концепции Фуко для России. Наоборот, ее можно использовать для выработки последовательно критического отношения ко всем российско-советским вариантам права, рынка, политической экономии, истины и либерализма и систематизации множества возникающих проблем. На этом пути особое значение принадлежит анализу того варианта предпосылок советской биополитики, который определялся системами государственного и бытового террора в СССР как следствия большевистской революции в 1917 г. Об этих проблемах ничего не пишет Фуко. Опишу навскидку три проблемы.

Первая связана с насилием. Для понимания российской специфики надо поместить насилие в контекст современной типологии [Кантор 2008: 562–592].

Варварски-разрушительный, грабительский тип насилия характерен для всех исторических и неисторических народов. Он существует в любой культуре, которая вынуждена развиваться в борьбе с собственным прошлым.

Разрушительно-созидательный, динамичный и продуктивный тип насилия постоянно преодолевает сам себя путем договоров, правовых норм и структур. Этот тип образует костяк западноевропейской цивилизации и способствует поискам самозащиты человека для реализации комплекса присущих ему от рождения прав.

Провокационно-охранительный тип насилия предохраняет общество от развития, консервируя нормы и идеологию традиционного общества. Имитируя появление насилия, этот тип подавляет его государственным сверхнасилием, чтобы отсечь выход из стагнации. Для российской истории характерен третий тип, который в историографии квалифицируется как *московский*, поскольку он окончательно сложился в правление Ивана III и Ивана IV. Этот тип особенно ярко проявился при большевиках, достигнув кульминации в сталинизме. В целом провокация есть принцип государственного строительства в России. Такое насилие характерно для материального интереса сотрудников ВЧК-КГБ-ФСБ.

Вторая проблема связана с изучением системы советского государственного террора в рамках советской империи как примитивной политической формы, поскольку она была скреплена страхом перед внешними врагами [Булдаков 2010: 555–587]. Как показал В.П. Булдаков, государственный аппарат СССР представлял собой инертную массу людей, которые механически выполняли любое задание. Но качество исполнения было негодным для «переворота» на пути к социализму. Поэтому СССР надо рассматривать в системе многомерного столкновения традиционализма и модернизаторства. Нетеррористический вариант предполагает отказ от идеократии. Но этому власть в России до сих пор не научилась. Выросшая из революционного хаоса власть использовала репрессивный аппарат для достижения социального контроля при реализации стратегического курса.

Государственный террор – это зеркало социально-исторического подсознания, вглядываясь в отвратительный лик которого не желает никто. Но если общество не признает собственной косвенной ответственности за случившееся, то оно лишается естественного противоядия против рецидивов террора.

В.П. Булдаков изучил и сформулировал внутренние закономерности Большого террора: уничтожение представителей тех социальных и профессиональных групп, кто таил в себе по-

тенциальную (идейную и силовую) угрозу для системы; повышение процента расстрелянных в зависимости от их этнического происхождения; ключевой фигурой советского насилия стал каратель-жертва, а не насильник-садист; тотальным палачом была политическая система, карательная машина которой нуждалась в кровавой смазке частей своего механизма; в ней преобладали лояльные и малообразованные рабочие и крестьяне (русские, украинцы, грузины); начальство ВЧК-НКВД отличалось крайне низким образовательным уровнем; в руководстве НКВД практически не было выходцев из дворянского и духовного сословия, мусульман (за исключением азербайджанцев) и представителей народов Поволжья; НКВД пополнялся подонками общества, лишенных традиционных нравственно-психологических сдержек для грязной работы; социальный фон этой машины связан с феноменом отечественной солидарности с террором и спецификой коммунистической харизматики.

Анализ этой специфики показал, что она связана с архаичными формами социального господства и фетишизацией власти. Советская система – это новое издание крепостничества, которое отличается от восточного деспотизма (опора на этатизацию основных средств производства) и западного тоталитаризма (ориентированного на овладение СМИ). Эта система была марксистски раскрашенным «латентным» черносотенством, базовым основанием которого оставалось единение царя (партии) с народом. Это была социально-правовая система, которая по природе не соответствовала бюрократически навязываемому «идеалу». Тем самым марксову теорию бюрократии может быть использована для анализа предпосылок советской биополитики.

Третья проблема поставлена в дневниках О.М. Фрейденберг, которая разработала проблемно-концептуальный аппарат для анализа советской биополитики на фактической основе хроники ленинградской блокады во время второй мировой войны. В состав этого аппарата входит классический концепт *политического тела*, современная политическая герменевтика катастрофического опыта, квалификация войны как двойного бедствия (война с Гитлером и сталинская политика), определение фашистских врагов, сталинского государства и собственной семьи как источников двойного варварства, многообразные формы бытового террора, параллель между советским обществом и концлагерем. Весь этот аппарат опирается на конкретный анализ жизненного процесса конкретных людей [Паперно 2023]. Поэтому он придает эмпирическую убедительность концепции Фуко.

Короче говоря, для понимания предпосылок российско-советской биополитики надо соединить концепцию Фуко с множеством конкретных исследований истории, политической экономии, гносеологии, социологии и политики монархической, советской и современной России. Для движения по этому пути традиция уже сложилась [Мишель Фуко и Россия... 2001]. Ее развитием может служить теория политического отчуждения, которую я разработал в 1990-е гг., наблюдая спазмы советской и родовые вскрики постсоветской власти. Приведу здесь один фрагмент [Макаренко 1998: 86–89].

Процесс формирования государственной власти связан с развитием политического отчуждения. В его состав входят: формы мышления, в основе которых лежит объяснение властных отношений экономическими, политическими и идеологическими факторами (экономикоцентризм, этакратизм, идеократия); толкование воли (индивидуальной, групповой, народной, общественной) как основания власти; формы иллюзорной общности людей (семья, этнос, нация, гражданское общество, государство); преобладание примордиальных, этнических, групповых, национальных солидарностей над другими; разделение госвласти на исполнительную, законодательную и судебную; формы политической (бюрократической, конституционной, юридической) софистики, типичные для каждой из властей; государственные налоги, займы, долги; толкование государственного управления обществом как «необходимого» и «естественного» процесса социальной жизни; социологические и политические свой-

ства лиц, осуществляющих государственную власть и управление; типы вооруженных сил, тайной полиции и государственного аппарата; мононациональный или полинациональный характер государства; способы государственного освоения географического пространства.

По отношению к истории России общие свойства политического отчуждения можно конкретизировать с учетом существующих историографических теорий генезиса Киевской Руси и Московского государства (норманнская теория, теория «родового» или «дружинного» начала, «панмонголизм», «византизм», «евразийство», концепция территориального «мистицизма», теория образования государства как ответ на «внешнюю угрозу», нынешние потуги реанимировать концепт Новороссии, опусы Изборского клуба и пр.) В каждой из данных теорий надо выявить мифические, иллюзорные элементы, ибо ремесло историографа и идеолога было и остается связано либо с государственной властью, либо с нацией или другими социальными группами.

Иначе говоря, история любой страны есть конкретизация общих свойств политического отчуждения. В результате пересечения его общих и частных характеристик властная регуляция социальных отношений становится «объективным» процессом по типу природных и космических. Нельзя полагать, что подобные процессы кем-то намеренно планируются или что участвующие в них люди руководствуются исключительно одними мотивами или ценностями (экономическими, властными, идейными).

С этой точки зрения социальный феномен власти вообще и русской власти в особенности можно определить как общее и непредвиденное следствие множества частичных действий частичных властителей. Оно вытекает из соперничества, борьбы и сотрудничества в рамках группы людей, располагающих всем набором средств насилия и манипуляции в собственных целях. Отношение числа действий властителей (образующих сферу властной регуляции) к общему числу действий остальных индивидов можно определить как меру гражданского отчуждения или отчуждения граждан от власти. Такая мера существует при всех типах государственного строя и политического режима, как бы власть себя ни называла и какие бы государственные интересы, соображения и идеологии ни использовала для своего оправдания.

От меры гражданского отчуждения зависит способность и готовность большинства человеческих масс к сопротивлению власти. При низком уровне гражданского отчуждения такое сопротивление незначительно. Однако оно незначительно и тогда, когда мера гражданского отчуждения высока, потому что в обоих случаях монополия на применение средств насилия и манипуляции остается у власти³. Ни одно из когда-либо существовавших и существующих ныне на земном шаре государств не смогло отказаться от использования данных средств насилия и манипуляции. Правда, отказ от прямых методов физического насилия сопровождается расширением и культивированием опосредованных методов принуждения и манипуляции людьми. Эта трансформация входит в состав государственных интересов.

Если власть с помощью указанных средств контролирует все публичные действия, отношения и высказывания индивидов, то наступает их атомизация. Взаимное недоверие, страх перед нарушением всевозможных запретов и репрессиями делают невозможным осуществление коллективных действий вне официально санкционированных форм. Граждан как

³ В состав таких средств входят: грабеж, реквизиция, уничтожение имущества, лишение воли, заключение в тюрьму, переселение, интернирование, нанесение телесных повреждений, отравление и другие методы медицинского и психического воздействия, пытки, террор, клевета, обман, высмеивание, правовые, экономические и социальные ограничения индивидов и групп (классов, наций, этносов, политических движений и партий), отказ от сотрудничества, материальные вознаграждения, символические отличия, привилегии, коррупция (прямая и косвенная), провокация, скрытая помощь, манипуляция.

социальной группы не существует (кроме записи в паспорте), они деклассированы, десоциализированы, маргинализированы. Гражданское отчуждение – противоположный полюс политического отчуждения, и существует при всех формах политического устройства общества. Наиболее высокий уровень борьбы граждан против власти имеет место тогда, когда гражданское отчуждение находится на среднем уровне, т. е. когда властным контролем охвачена настолько широкая сфера общественной жизни, что граждане уже лишены права решать вопросы собственного социального и политического существования; однако этот контроль еще не простирается до мельчайших ячеек общества и не парализует способность к гражданскому сопротивлению. Но об этом поговорим позже, при разборе точки зрения Фуко на отношение между философией и политикой и вытекающей отсюда позиции интеллектуала в современном обществе.

А пока отметим, что теория политического отчуждения может служить принципом синтеза концепции ГИ и предпосылок биополитики в трактовке Фуко с анализом процессов функционирования власти во множестве государств, включая Россию.

Булдаков В.П. 2010. *Красная смута: природа и последствия революционного насилия*. Изд. 2-е, доп. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина».

Волков В. 2002. *Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ*. – СПб, Европейский университет.

Кантор В. 2008. Умирал ли дракон? Насилие в русской культуре. – Кантор В. *Соседи: Арабески*. – М.: Время.

Мадьяр Б., Мадлович Б. 2022. *Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура*. – Т. 2. Перс. с англ. Ю. Игнатъевой под ред А. Решетникова. – М.: НЛЮ.

Макаренко В.П. 1998. *Русская власть: теоретико-социологические проблемы*. – Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ.

Макаренко В.П. 2024. Государственный интерес как предпосылка биополитики: фрагмент концепции М. Фуко. – *Политическая концептология*. – № 1.

Мишель Фуко и Россия... 2001. *Мишель Фуко и Россия: Сб. статей* / Под ред. О. Хархордина. – СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад. – 349 с.

Паперно И. 2023. *«Осада человека»: Записки Ольги Фрейденберг как мифополитическая теория сталинизма*. – М.: Новое литературное обозрение.

Политический строй России... 2019. *Политический строй России: вчера, сегодня, завтра*. – Под ред. В.Л. Шейниса. – М.: Мысль.

Фуко М. 2010. *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году*. Пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.: Наука.

Шейнис В.Л. 2014. *Власть и закон: политика и конституция в России в XX–XXI веках*. – М.: Мысль.